Брат с сестрой

Жили-были брат с сестрой. Брат был уж великонек, эдак лет десяти, а сестра осталась маленькая в люльке. Она такая была крикливая, никто не мог ее закачать, только один брат закачивал. Сядет он, станет люльку качать, качает да припевает:

Ты баю, баю, сестрица,
Баю, милая моя,
Вырастешь велика,
Отдам замуж тебя,
За цыцаря-царя.

Она слушает, слушает да и заснет, так она и выросла и стала такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Один раз и говорит она брату: «Братец, а помнишь, как ты меня обещал отдать за цыцаря-царя?». Вот ему (брату) что делать? Он написал ее портрет (а на ту пору царю невесту искали), написал ее портрет и повез к цыцарю-царю.

Царь, как увидел, так и влюбился в этот портрет, говорит: «На этой хочу жениться, вот моя невеста!». Царь велел к свадьбе все готовить, а сам снарядил поезд и послал за невестой. Она стала собираться, ну и брат с ней. Вот взяла она с собой свою старую няньку да ее дочь, девчонку Шелудивчонку. Сели они все в золотой карете. Ехали они два дня и приезжают на третий день к морю, надо ехать через мост. Нянька и говрит ей: «Выглянь из окошечка, посмотри, как на море волны бьют». Она высунулась побольше, она ее в море и пихнула. Она утопла там, сделалась золотой рыбкой и поплыла.

А нянька, как стали подъезжать к царю, нарядила свою дочь и накрыла невестиным покрывалом, привезли в церковь, повенчали, царь, как открыл после венца покрывало, и видит, что она (невеста) совсем не та, что на портрете. Вот царь и велел ее брата в конюхи определить, а брат плачет, говорит, что «не моя сестра!». А царь стал жить с женой: ведь не развенчаться стать.

Только спит он один раз с своей женой на кровати, а слуга сидит у печки, сушит чулки царские. Вдруг растворяется окошко и входит распрекрасная красавица (что утопили-то), подошла к постели и говорит: «Не стыдно ли

цыцарю-царю спать с девчонкой Шелудивчонкой?». Слуга-то загляделся на нее, чулки-то царские сгорели. Вот слуга и начал плакать, она оглянулась и спрашивает: «О чем ты, слуга, плачешь?». — «Как же мне, сударыня не плакать? — говорит. — Загляделся я на вашу прекрасную красоту и сжег царские чулки». — «Не плачь, говорит, вот тебе чулки!». И вынула из кармана чулки чудесные, так что в десять раз лучше царских, а сама и ушла.

Приходит она опять на другую ночь, опять так же слуга на нее загляделся и сжег носки. Она ему опять дала другие носки чудесные, так что в десять раз лучше царских. Сама ушла. Вот царь и спрашивает слугу: «Отчего ты мне прежде подавал хуже чулки, а теперь вот во второй раз какие хорошие подаешь?». Слуга туда-сюда, ну царь, пристал, он и признался во всем. Вот царь взял сам и сел вместо слуги, а та (жена) одна спит. Она (красавица) опять пришла так же, подошла к кровати царской да и говорит: «Не стыдно ли цыцарю-царю спать с девчонкой Шелудивчонкой?». Царь сейчас узнал по портрету, что это его настоящая невеста. Как она обернулась к кровати, он ее и схватил, и, как она не перекидывалась и рыбой, и щукой, он ее не выпускал, ну, она и осталась. Ну, тут они стали жить да поживать, а няньку с дочерью царь велел к лошадиному хвосту привязать, а шурина своего министром сделал.

(Тамбовская губерния)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.